

Канат

Каренов

КОГДА ВЕРНУТСЯ ЛАСТОЧКИ

Моя повесть – дань уважения и памяти девушкам-танкисткам: Жамал Байтасовой, Кулькен Токбергеновой, Кульжамиле Талканбаевой, Жамиле Бейсенбаевой.

Впервые о девушках-казашках из Карагандинской области, которые на фронтах Великой Отечественной войны били врага в составе танкового экипажа, земляки узнали из областной газеты «Советтік Қарағанды» от 22 августа 1944 года. Материал прислал с фронта младший сержант Топатай Жунусов. Восхищаясь мужеством землячек, двадцатилетний радист писал: «Героизм этих девушек: младшего сержанта Жамал Байтасовой, Кулькен Токбергеновой, Кульжамилы Талканбаевой и радистки-пулеметчицы Жамилы Бейсенбаевой преисполняют гордостью казахский народ. Пусть и дальше возносится слава казахских девушек-танкисток!» Топатай Жунусов и сам сражался героически. Уроженец Каркаралинского района Карагандинской области, он был призван в армию в 1942 году и воевал в составе 682-го артиллерийского полка 235-й стрелковой дивизии. За подвиги, совершенные в октябре 1944 года, он был удостоен ордена Отечественной войны 2-й степени и медали «За отвагу».

Народная мудрость гласит: «Қыз туса – елдің көркі» – «Если родится девочка – это гордость нации». Всем сердцем чувствовал это и писатель-фронтовик Калмухан Исабаев. Восемнадцатилетним юношей, сразу со школьной скамьи призванный в 1943-м в Красную армию, после победы он еще шесть лет служил комендантом в немецком городе Ильменау. Ему ли было не понять, каким мужеством обладали эти девушки, которые не только били врага на поле боя, но и мастерски управляли танком – совсем не женской техникой. Впрочем, война в принципе не женское дело... В канун тридцатилетия Великой Победы Калмухан Исабаев написал в газету «Қазақ әдебиеті» статью о героических девушках. Об их подвиге, благодаря заметке Топатай Жунусова, люди уже знали, но о том, кто они, какова их дальнейшая судьба, информации не было никакой. Через газету писатель обратился к читателям в надежде, что откликнется кто-нибудь, знавший девушек. Но, увы, никаких известий в редакцию так и не поступило. Тишина протянулась на 45 лет.

А в феврале 2019 года журналист Дина Игсатова посвятила статью этим прекрасным, смелым казашкам, служившим в танковых войсках. С гордостью за землячек и с сожалением о безразличии Министерства обороны в оказании помощи по сбору материала не только о них, но и обо всех участниках Великой Отечественной войны, которые являются ярким примером самоотверженности, она обращает внимание на то, как мы больше отдаляемся от исторических фактов.

Теперь и я подхватил эту эстафету памяти. В повести моей переплетаются документальная истина и художественный вымысел, позволяющий за сохранившимися именами героев представить настоящих людей.

ТОПТЫГИН

Очень редко, но бывают передышки между контрударами и форсированными артобстрелами, как затишье перед бурей. И тогда от усталости и бессонных ночей солдаты засыпают прямо в окопах, обняв вместо подушки свое боевое оружие.

Но связистам не до сна – они проверяют, нет ли обрывов, налаживают поврежденную связь. Вот и сейчас к окопам шел слегка пошаркивающей походкой смуглый поджарый

солдат. Часовой, увидев его, стал будить старшего сержанта Прохорова, который спал рядом, свернувшись в калачик.

– Петрович, Петрович! – теребя его за плечо, прошептал часовой. – К нам кто-то идет!

Федор потянулся, потер глаза и, позевывая, обратился к своему земляку – часовому Никодишину:

– Николай! Когда ты поймешь, что надо докладывать по уставу, как положено военному? Товарищ старший сержант, мол, так и так.

Никодишин прибыл из пополнения всего три дня как, и Прохоров держал его, молодого и необстрелянного, возле себя. К тому же на войне встретить земляка – все равно что дома побывать.

– Ну ладно тебе, Петрович! Никого же рядом нет и никто не слышит...

– Эх, Коля, Коля! Я ему про Ерему, он мне про Фому! Не быть тебе, Коля, сержантом, а тем более старшиной. Вернешься ты домой с чистыми погонами.

– Да дай-то Бог вернуться домой! – подхватил его слова Никодишин. – Меня дома и без сержантских погон примут!

– Эх, Николай! Не понимаешь ты сути дела, – продолжал шутливо журить Прохоров молодого солдата. – Ты что думаешь, один вернешься с войны? Все парни будут нарасхват. А девушки как рассуждают? Сержант – значит, командир. А командир кто? Человек, который умеет командовать и управлять, который у всех на виду. А это, брат, самое главное для девушек! Раз ей достался самый лучший – значит, остальные будут завидовать.

– Да какой я командир?! Я и не люблю командовать, – не успокаивался Никодишин.

– Ладно, Коля.

Отряхнувшись и поправив гимнастерку под ремень, Федор построже посмотрел на Никодишина, который, слегка растерявшись от этого взгляда, вытянулся по стойке смирно.

– Ну, показывай. Где, кто и куда идет, – с оттенком недовольства в голосе сказал Федор.

Никодишин вытянул руку в сторону идущего.

– Вон!

Прохоров, взглядываясь, произнес:

– Так это же Топтыгин – наш герой!

Младший сержант Жунусов спрыгнул в окоп со словами:

– Всем здравствуйте! – и обнял Прохорова.

– Ну, как дела, герой? Неужто к наступлению надо готовиться? – спросил Федор Жунусова.

– Да все хорошо. Комбат приказал проверить связь перед боем, а вот насчет наступления я не знаю.

– Вот, учись, Коля, у Жунусова! Младший сержант, герой. Приедет к себе домой – девочки возле него табуном ходить будут, – не умолкал Федор, все нахваливая Жунусова.

– А почему Топтыгин-то? – спросил Никодишин. – Вроде не такой здоровый, как медведь. Да и не косалапный же вроде?

– Темнота ты, Коля! Зовут его Топатай. Просто когда он героически чинил связь под шквальным огнем немцев, командир, наблюдая за ним в бинокль, от переживания вместо имени произнес: «Молодец, Топтыгин!» Так после того подвига и приклеилось к нему это прозвище.

– А что за подвиг-то?

Никодишин, что называется, не нюхавший еще порошу, жадно вслушивался.

– Да никакой не подвиг! И не герой я вовсе. Просто выполнял свой долг, – оправдывался Жунусов.

Но Прохоров прервал его:

– Подвиг, подвиг! Молодец, всех нас тогда спас, да и фашистов подмял под артобстрел. Об этом даже в газете написали. Рассказываю, слушай, Коля.

...Было это под деревней Юзефов. Несколько вражеских танков прорвались вместе с десантом пехоты, встали удобненько и начали вести огонь прямой наводкой. Вдобавок пехота поливала нас из пулеметов так, что головы не поднять. Мы даже не могли завязать встречный бой с их основными силами. И, как назло, под обстрел попала наша повозка с радиостанцией! А надо было вызвать огонь наших батарей для подавления чужих танков

и пехоты. Что делать? Вот тогда-то Топатай и полез под этот шквальный огонь. Как фрицы только ни старались подстрелить его! Но наш Топатай – как лиса. Так петлял, делая перебежки, что я аж взмок от переживаний! Особенно когда одна вражеская пуля все-таки задела Топатая. Но он все равно ползком пробрался к повозке, достал радиостанцию и передал артиллерии данные расположения танков и пехоты. Ну и наши артиллеристы их в капусту и пошинковали! А Топатай к ордену представили. Вот так-то.

– Да уж, молодец так молодец! – восхитился Коля.

– Давай покурим, что ли? – предложил Топатай Федору, пряча смущение – не привык он в героях ходить.

– Так ты же не куришь? – удивленно глянул Федор.

– А я рядом посижу. Когда еще такой случай доведется, – улыбаясь, ответил Топатай.

– Ты прав, – сказал Федор, достал кисет и, закрутив самокрутку, закурил.

– Вот ты говоришь, что я герой, – заговорил Топатай. – А я так своими землячками восхищаюсь! Вот они – правда герои! Целый танковый экипаж – и все с Карагандинской области. А как они воюют! Бьют фашиста с такой ненавистью, будто всю жизнь воевали. Девчонки, им бы замуж да детей растить. А они бьются вместе с нами... Я вот думаю, что это материнский инстинкт ведет их в бой. Чтобы разбить врага до конца и показать, что никто не помешает им в будущем жить, любить и растить своих детей. Если честно, Федор, я про них тогда сразу в газету написал и отправил на Родину. Пусть все знают, как наши девочки бьют фашистов! И стих посвятил, хотя никогда раньше не писал.

– Это ты правильно сделал, молодец! А стихотворение прочитаешь? – вновь затягиваясь, спросил Федор.

Топатай встал и, прокашлявшись, начал читать.

– С просторов Сары-Арки вы прилетели,

Родные ласточки мои.

Чтобы врага мы победили,

Вы сами в этот бой пошли.

Не зная страха и пощады,

Врага вы брали на таран.

Такой они отваги не видали.

И, ваш завидев экипаж,

Фашисты в панике бежали.

Такой всеяли в них вы страх.

– Это ты хорошо написал, – покашливая, сказал Федор. – Помню я этих девчат-танкисток. Дали они тогда фашистам прикурить!

Все задумались и некоторое время сидели молча.

– Ну ладно, пойду я, а то засиделся с вами.

Попрощавшись, Топатай направился в сторону командного пункта. На душе у него было радостно от теплых слов Прохорова в адрес его землячек. И от гордости за них, за ласточек, он сам не понял, как запел. А потом вдруг вспомнил слова напутствия, которые говорила ему мама. Остановившись, он поднял голову к небу и, раскрыв ладони, произнес:

– Пусть хранит вас Всевышний, где бы вы сейчас ни были. Будьте здоровы и счастливы! Пусть ласточки вернуться домой. Аминь... – И раскрытыми ладонями провел по лицу.

После этого он с чувством выполненного долга ускорил шаг, будто нагонял время.

...Топатай еще не знал, что уже завтра ему придется во время боя под вражеским огнем ремонтировать двенадцать обрывов линий связи, чтобы командиры могли корректировать взаимодействие сил для успешного исхода боя. И то, что он будет представлен командованием к медали «За отвагу»...

ЭКИПАЖ. 1943 ГОД

Добытые разведанные сходились в одном – немцы планируют провести стратегическое наступление на Курском выступе. Советским командованием были приняты усиленные меры по недопущению внезапного наступления фашистов, а также совершения ими боевых вылазок, целью которых было выявление боевой готовности и обнаружение

пробелов в нашей обороне. В связи с этим выставлялись боевые дозоры в составе танковых экипажей.

Неизвестно, как развернулись бы события того дозора танка Жамал, если бы не вездесущая Кулькен, которая была заряжающей в экипаже. Ее характер, который можно описать словами «знать все и владеть информацией», просто не давал всем покоя. Она всегда, где бы ни находилась, как говорится, заводила одну и ту же пластинку.

– Жамал, может, я уже схожу, узнаю, что и как, осмотрюсь?

– Кулькен, вот что тебе не сидится? – одернула ее Кульжамия, механик-водитель экипажа.

– Нет, вы посмотрите на нее! Она так говорит, будто я от делать нечего собралась идти! – затараторила Кулькен. – Ты что, у себя в ауле на танке катаешься? Все ямы, овраги знаешь? Или ты раньше здесь бывала? Я, между прочим, в первую очередь о тебе беспокоюсь, чтобы ты вела нашу «Ласточку» уверенно и чтобы на пути не было никаких сюрпризов. Помните, что говорил нам Осипов на занятиях? Изучение местности и использование ее рельефа – залог успеха в бою!

– Жамал, да пускай ходит, – обратилась к командиру радист-пулеметчик Жамия. – А то ее писклявый голос перебивает любую волну. Я уже ничего не слышу.

– И не писклявый у меня голос, – возразила Кулькен.

– Все, прекратили дебаты! – прервала зарождающийся спор Жамал.

Она хорошо помнила лицо и руки младшего лейтенанта Осипова, обгоревшие, когда он под Москвой вел огонь из горящего танка. Он преподавал им военную топографию и материальную часть танка и из-за отсутствия топлива для проведения ночных учений заставлял сбивать фанерный каркас вместо настоящего танка и бежать всем вместе – каждый при этом поддерживал каркас одной рукой. Так Осипов добивался того, чтобы экипаж стал одним целым, чтобы все прочувствовали, что от слаженности действий зависит их жизнь

– Кулькен, пойдешь осмотришься. Но далеко не уходить! Оставайся в радиусе пятисот метров... И будь осторожна, – велела Жамал.

А у Кулькен уже горели глаза. Лисой юркнула она в темноту, как в родную стихию, и исчезла...

Каждая минута ожидания была бесконечна и утомительна, и Жамал начала себя корить, что отпустила Кулькен в разведку. С другой стороны, несение боевого дозора предполагало владение обстановкой и пресечение действий врага, а сидя в танке, этого не сделаешь. Конечно, правильная маскировка танка давала им шанс оставаться незамеченными, но сидеть и ждать – не самое лучшее решение во время войны... Но ведь они – как сестры, все вместе призывались с Карагандинской области.

Историческая справка

Точных сведений о количестве женщин, участвовавших в боевых действиях в ходе Великой Отечественной войны с фашистскими захватчиками, нет, но исследователи сходятся во мнении, что их было около миллиона. Основной призыв женщин в армию начался с июня 1942 года, когда вышел приказ Народного комиссара обороны Союза ССР № 0459 «О замене отдельных должностей в автобронетанковых военно-учебных заведениях и в тыловых учреждениях Красной армии военнослужащих мужчин вольнонаемным составом и женщинами».

В молодом шахтерском городе Караганде, как по всему Казахстану, военкоматы были переполнены добровольцами, что рвались в бой защищать Родину. Люди замирали возле рупоров и слушали сводки, с трепетом ловя каждое слово. Женщины заменяли своих мужей, братьев, а порой и сыновей: спускались в шахты, осваивали тяжелые профессии, вставали у станков и совершали трудовые подвиги, понимая, что только так они могут помочь любимым, которые проливают кровь в жестоких боях. Молодые девушки рвались на фронт, оканчивая ускоренные курсы медсестер, радисток, снайперов...

Жамал неоднократно приходила в военкомат и подавала заявление о зачислении ее в ряды Красной армии и отправке на фронт. Приводила доводы, что она комсомолка, что является бригадиром тракторной бригады, что отец ее тоже ушел на фронт добровольцем и бьет врага, – но ей всегда отказывали. Она не знала, почему однажды ее заявление все же приняли, в одночасье зачислили в ряды Красной армии и направили на ускоренные

курсы механиков-танкистов вместе с другими девочками, с которыми она познакомилась в военкомате. Было ли это просто стечением обстоятельств, или так повлиял приказ № 0452? Или же это судьба, которая свела их, чтобы они вместе, плечом к плечу били ненавистного врага? Жамал была рада, что она все-таки добилась своего и попадет на фронт. Пусть и не сразу, а после окончания курсов.

Тогда, получив обмундирование, Жамал пригласила к себе домой Кульжамилю, Кулькен и Жамилю попить чаю и подогнать форму под размер. А пока девочки примеряли форму и ушивали ее, она решила написать письмо папе – побыстрее поделиться новостью.

Здравствуй, мой дорогой, единственный папочка! Как ты? Надеюсь, у тебя все хорошо, и ты жив и здоров. Я очень этого хочу. Береги себя. Ведь кроме тебя у меня никого нет.

Не обижайся, пожалуйста, и не ругай меня. Ты всегда учил меня быть честной и ответственной. Быть примером для своих товарищей. Поэтому, милый мой папочка, меня зачислили в ряды Красной армии и направят на учебу механиков водителей-танкистов.

Обещаю тебе, что я буду стараться беречь себя и не буду лезть куда не попадая... Вот то, что я не залезу на макушку дерева, я тебе точно обещаю.

Жамал вспомнила, как она, пятилетняя девчонка, залезла высоко на дерево, а слезть не смогла. И от страха так вцепилась в крепкие ветви, что не только пошевелиться, но и пискнуть не могла. Все внизу бегали, звали, искали ее. А она смотрела на них, но ничего не могла поделать. Сколько бы она просидела так и сколько бы продолжались ее поиски – неизвестно, если бы не сандалик, который соскочил с ее ноги и упал прямо на голову папе. Асан, так звали папу Жамал, как раз стоял под деревом и не знал, что ему делать. От волнения он даже думать ни о чем не мог, только одна мысль билась в его голове: «Только бы моя Жамал, мой аленький цветочек нашелся бы». Когда ему на голову упал сандалик дочери, он увидел наконец свою Жамал, висевшую на ветке. А она черными глазами словно в душу ему заглянула с надеждой и виновато одновременно: «Пап, я тут... Только не ругайся, пожалуйста...» Асан еле устоял на ногах. «Доченька, Жамал, только не шевелись! Сейчас папа тебя оттуда снимет...» – заговорил он. И, сам не помня как, вскарабкался наверх и снял дочь. Все думали, что Жамал больше не подойдет к дереву и не залезет на него, а напрасно. Многие говорили, что Жамал надо было родиться мальчиком. Но папа всегда им отвечал: «А я счастлив, что у меня родилась такая девочка!..»

То ли от воспоминаний, то ли от того, что сильно соскучилась по папе, который воспитывал ее один, так как его Бикеш умерла при родах, а он так и остался верен ей, на глазах Жамал выступили слезы. Она быстро их вытерла, чтобы не капнули на письмо и не расстроили папу. Ведь папа всегда говорил, что он будет самым счастливым человеком на земле, если никогда не увидит слез в ее глазах. И она продолжила писать.

Папа, мы обязательно победим врага и вместе вернемся домой. Я тебе это обещаю! А ты знаешь, что я обещаю всегда сдерживаю. Кроме того, я еду не одна, у меня появились три сестренки. И нас теперь у тебя четверо!

Крепко тебя обнимаю и целую.

Твоя дочь Жамал.

В тот день они подготовили форму, и за чаем каждая рассказала немного о себе. А наутро девушек уже отправили на ускоренные курсы.

По окончании учебы команду курса младший лейтенант Осипов подошел лично к Жамал, пожелал всему экипажу бить врага до победы и напутствовал: «Помните, все, что вы получили здесь, – это теория, она необходима. Но война ее откорректирует, а дополнительные навыки вы приобретете в боях». В своем заключении о выпуске Осипов писал: «Экипаж прошел ускоренный курс, освоил техническую и материальную базу, овладел навыками военной топографии, тактической и огневой подготовкой. Готов к любым испытаниям, уверен, что выдержит и самоотверженно перенесет все тяготы военной службы». Более высокой оценки от немногословного, сурового, опаленного жестокостью войны младшего лейтенанта Осипова еще никто не получал.

Историческая справка

В годы Великой Отечественной войны танкистками стали около 20 женщин. Они сумели сломать стереотип, что танкист – не женская профессия. Две из них получили звание Героя Советского Союза: Мария Васильевна Октябрьская (1902–1944) и Ирина Николаевна Левченко, член Союза писателей СССР (1924–1973).

Когда появилась Кулькен, Жамал вздохнула с облегчением.

– Ну, наконец-то! Я уже не знала, что и думать, – с упреком сказала она.

– Разрешите доложить, товарищ командир! – обратилась по уставу Кулькен к Жамал

– Ну и лиса! – поддела Жамиля.

– Докладывайте, товарищ ефрейтор, – добавив в голос строгости и серьезности, ответила Жамал.

– Справа, в километре от нас, немцы установили в лощине пять минометных установок около взвода автоматчиков. Выставлено два караульных поста. Слева от них, приблизительно в трехстах метрах, идет маскировка трех танков.

– И как же ты все это разглядела, Кулькен? – спросила Жамиля. – Такая темень!

– Я потихоньку, – начала оправдываться Кулькен, – эти все равно в лощине меня не видят. Я проползла по верху, потом слышу – слева доносится какой-то непонятный шум, решила проверить.

– Я тебе что сказала – никакой самостоятельности. А ты! – укоряя Кулькен, сказала Жамал и обратилась к радистке: – Жамиля, свяжи меня со штабом.

Вскоре она уже докладывала:

– Товарищ подполковник, при несении боевого дозора на вверенном участке в километровой доступности в лощине обнаружены минометные установки в количестве пяти штук, взвод автоматчиков, слева от них идет маскировка трех танков.

– Хорошо, – сухо ответил подполковник Яковлев, – ждите указаний.

– Есть! – ответила Жамал.

Подполковник Яковлев понимал, что не может демаскировать артиллерию и вверенную ему танковую роту. Поэтому было принято решение обойтись двумя взводами автоматчиков и танком Жамал, используя эффект внезапности и ночное время суток. Один взвод должен был проползти к вражеским танкам и попытаться закидать их гранатами. Второму взводу и танку Жамал нужно было пройти по лощине и выйти к минометчикам.

Однако еще на подходе к танкам первый взвод вступил в бой с автоматчиками противника – и дальше пришлось действовать быстро. Спасало не только то, что минометчики, находившиеся в лощине, не могли понять, где идет бой, но и то, что в полной темноте они были полностью дезориентированы. Когда первым выстрелом Жамал ударила по минометам, враги запаниковали и побежали. Жамиля била по фашистам из пулемета, а Кульжамила на полном ходу давила гусеницами оставшиеся минометы.

Надо было выбираться из лощины, чтобы помочь первому взводу. Но когда Кульжамила на полном ходу хотела выскочить из лощины в свете осветительной ракеты, ей не хватило совсем чуть-чуть – танк скатился обратно в лощину. Почти сразу же за ними разорвался снаряд.

«Стоп, машина!» – скомандовала Жамал. Она поняла, что, выскочив вверх, танк окажется как на ладони. А если осветят ракетой, то просто легкой мишенью. Тогда она еще не знала, что столкнулась со специальной тактикой ночного боя: наводчики приблизительно наводили орудия на звук, затем запускались осветительные ракеты, и в их свете враг бил танки. И уже в свете горевших машин под удар попадали другие танки.

Случай дал экипажу избежать гибели в первом же бою. И пророчеством вновь прозвучали в памяти Жамал слова лейтенанта Осипова: «Вы получили теорию, она необходима. Но война ее откорректирует, дополнительные навыки вы приобретете в боях».

– Кульжамила, вперед по лощине метров тридцать, – скомандовала Жамал.

Еще одна запущенная немцами ракета стала спасительной для танка Жамал: в ее свете они увидели пологий выезд из лощины.

– Кульжамила, ты увидела слева выезд из лощины? Прибавь обороты и, как выскочишь, останови машину под выстрел, а после выстрела – полный вперед независимо от результата. Кулькен, будь готова.

– Поняла, Жамал, – ответила Кульжамила.

И когда Кульжамия на полном ходу вывела танк из ложины, развернув его под выстрел, и остановилась, Кулькен тут же отрапортовала, что к выстрелу готова.

Жамал применила тактику противников к ним самим. Осветив местность ракетой, она увидела силуэты двух танков и, не задумываясь, выстрелила. Выстрел был точен – один из танков загорелся. Расчет оказался верным. Второй танк подорвали гранатами солдаты из прикрывающего ее взвода.

Только с рассветом стало ясно, что когда первый наш взвод завязал бой с автоматчиками, враг решил помочь им танками, направив их в сторону оврага, где находились минометчики, и тогда-то один танк был подорван гранатой. Второй подбил экипаж Жамал и еще один – солдат из второго взвода.

Экипаж Жамал за проявленную отвагу и умелые действия в бою с немецкими захватчиками был представлен к боевым наградам. Советские войска в целом одержали очень важную победу на Курском выступе.

Историческая справка

К началу Курской битвы в составе советских войск было 3444 танка и самоходных артиллерийских установок. У немцев на этом направлении было 16 танковых и мотозаванских дивизий, что составляло около 70% танковых формирований вермахта на Советско-германском фронте.

В этих боях приняли участие 4 советских женских танковых экипажа.

КУЛЬКЕН

Свою первую боевую награду экипаж отмечал чаепитием...

В эти минуты Жамал вспомнила такое же застолье, но только год назад у себя дома, в родной Караганде. Девочки тогда были в платьях и впервые примеряли военную форму, которая, конечно же, была им велика – пришлось подгонять. В памяти всплыли истории Жамии, Кулькен и Кульжамии, рассказанные в тот день. И Жамал ощутила одновременно и боль из-за того, что на их молодые жизни выпала такая страшная доля, и гордость за боевых подруг. Теперь, на себе испытав тяжести войны, она особенно ясно осознавала: пока есть такие люди, как ее девчата, – никакие болезни, невзгоды и войны не сломят их духа и любви к ближнему. Широта их души подобна просторам великой Сары-Арки, и девочки готовы отдать последнее, лишь бы не прервалось самое ценное – жизнь, которая и так коротка – словно рукоять камчи, как гласит народная мудрость...

Кулькен была дочерью прославленного охотника-беркутчи Есентай, который был известен еще и как сильный и ловкий борец. Он неоднократно побеждал в схватках на поясах на Наурыз мейрамы и других праздниках и, бывало, одерживал победу над соперниками, намного превышающими его в весе.

Многие девушки заглядывались на батыра Есентай, но его сердце учащенно забилося, только когда он увидел Салиму. Всю ночь они гуляли под высоким звездным небом и катались на алтыбакане. Счастье их было бескрайним...

А уж когда родилась Кулькен, на радостях Есентай подарил одного из своих лучших коней вестнику суйинши – по обычаям предков, которые батыр свято почитал. Каждый кочевник может отдать что угодно, лишь бы услышать это заветное слово – суйинши, обращенное к нему и несущее в себе благу весть.

Беда в дом Есентай пришла неожиданно...

Спасая стада скота от поголовной коллективизации, многие целыми родовыми аулами бежали за границу – в Китай, Монголию, Афганистан. Однажды в дом Есентай пришли люди – их было много, и они упрашивали его помочь провести их скот незамеченным по известным только ему охотничьим тропам до границы, обещая за это богатое вознаграждение хоть скотом, хоть золотом. Молчание встревоженного главы дома затянулось, и ему спешили напомнить, что он через свою сестру является им сватом. А, как говорится у кочевников, если жених – родственник на сто лет, то сват – на тысячелетия. Это значит, что его прямая обязанность – помогать родственнику в беде. Таков закон предков.

Есентай отказался от предложенного вознаграждения, но согласился провести нежданную родню до границы. Он понимал, что скот – все их богатство, нажитое тяжелым трудом кочевника, который в зной и холод пас свои стада, перегонял их из кочевья в кочевье,

умножая их и передавая из поколения в поколение. И это богатство принадлежит им по праву. Во все времена именно скот был для кочевников и разменной монетой, и едой, и одеждой. Скотом платили за благую весть, выставляли на тоях как призы для победителей в скачках или борьбе и оплачивали калым, его дарили молодым семьям, впервые поднавшим свой шанырак, и при рождении ребенка.

Историческая справка

В годы коллективизации у людей отнимали скот и имущество и под конвоем милиции направляли в точки оседания. Скот, реквизируемый для нужд колхозов, забивали на месте, так как прокормить собранные в одном месте большие стада было невозможно. К 1933 году из 40 миллионов голов скота осталась примерно одна десятая часть.

Отговаривать Есентая от принятого решения было бесполезно. Он отправился проводить родню до границы, да так и не вернулся к своей Салиме и Кулькен... Разное говорили: одни – что он попал в засаду заслонотряда, другие – что его осудили и сослали на каторгу, третьи – что остался в Китае. Салима никому не верила, а только ждала, воспитывая Кулькен. В ее сердце жил один человек – Есентай.

Когда Кулькен писала письма своей маме, Жамал в глубине души завидовала ей, ведь мудрость предков гласит: «Никогда не состарится тот, у кого жива мама». Сколько бы лет тебе ни было – ты всегда останешься для нее ребенком.

ЖАМИЛЯ

Жамал с первой встречи восхищалась точеной фигуркой Жамили и ее красотой: гжуче черные, пышные, местами волнистые волосы, белое лицо, в меру широкие скулы и узкий подбородок, пухлые, словно бантики, губы. А голос нежный, звонкий, журчащий, словно родник, с успокаивающим тембром. Порой казалось, что Жамиля – сказочная пери или фея. Она была очень начитанна, знала арабский, фарси, французский, немецкий языки – последний со свойственным ей упорством освоила, когда началась война. Кроме того, сумела сдать нормы ГТО на отлично и метко стреляла... Но в глазах ее была грусть.

Жамиля жила у своей тетушки Амины, родной сестренки ее мамы Айши. В 1937 году отца Жамили, ученого-востоковеда, арестовали по анонимному доносу как врага народа, осудили и отправили в ссылку. Мама поехала вслед за ним, так как отец сильно болел. Следствие, во время которого дознаватели не гнушались никакими методами, лишь бы выбить признание, измотало его. Ослабленный организм с трудом справлялся с болячками, подхваченными в следственных изоляторах. Вины своей отец так и не признал, но приговора это не отменило. По дороге Айша сама тяжело заболела и умерла – ее похоронили на какой-то безымянной станции. Отец тоже умер в ссылке.

Амина, продав свои украшения, переписала Жамилю на их с мамой девичью фамилию, дабы избежать каких-либо преследований, и переехала в Караганду. Амина обладала великолепным музыкальным слухом и прекрасным голосом, ей пророчили славу, но она отказалась от сцены и посвятила себя племяннице-подростку, переживающей горечь утраты родителей. Она поставила перед собой задачу: помочь Жамиле получить хорошее образование и определиться с будущей профессией. Потенциал Жамили позволял пойти в мир музыки или же, как папа, посвятить жизнь востоковедению, тем более, что арабскому и фарси он учил ее с детства.

Как могла долго, Амина скрывала от девочки смерть родителей. Говорила, что папу скоро отпустят, что они приедут вместе с мамой – и все образуется. На вопрос, почему родители не пишут, Амина врала, что оттуда писать нельзя. Но годы шли, Жамиля выросла, и скрывать от нее правду было больше невозможно...

Среди факторов, повлиявших на решение Жамили идти добровольцем на фронт, скорее всего, была и вера в справедливость. Ей хотелось доказать, что она, как и ее отец, очень любит свою Родину и в тяжелую минуту готова защитить ее с оружием в руках, а не отсиживаться в тылу, только на словах будучи преданной Отечеству.

Однако Жамиля долго переживала из-за ссоры с тетей Аминой перед уходом на фронт: она послушалась старшего, что было непозволительно в их семье.

В очередной раз в своем письме к тете Амине Жамиля писала:

Здравствуйте, моя тетушка Амина!

Как же я по вам соскучилась! Не волнуйтесь, у меня все хорошо. Вот, получила свою первую боевую награду!

Я очень хочу доказать, как сильно любил Родину мой папа, и меня он воспитал такой же, каким был сам. Я – его дочь, и должна доказать это делами.

Войну мы выиграем, это неизбежно, так как правда на нашей стороне. И потом, я думаю, – нет, я уверена, что это обязательно случится! – все, что писали про моего папу, окажется клеветой, вызванной завистью.

Пока! Любящая тебя Жамиля.

КУЛЬЖАМИЛЯ

Судьба ли, злой рок того времени, а может, просто люди запутались в понимании человеческих ценностей и потеряли всякую святость...

То, что случилось с Кульжамилей в раннем детстве, могло сломать ее, однако она осталась жизнерадостной, доброй, отзывчивой и всегда стремящейся только вперед.

Шел 1927 год. Секретарем Казкрайкома был Голощекин, прикрывавший свои амбиции выполнением поручения партии о проведении коллективизации любой ценой. Рапортуя о том, что на вверенном ему участке он приложит все силы, чтобы достичь поставленных партией задач, он стал уничтожать не только скот, но и людей.

Историческая справка

Историк В. Л. Бурцев, знавший Голощекина лично, охарактеризовал его следующим образом: «Это тот человек, которого кровь не остановит. Эта черта заметна в его натуре. Он палач, жестокий, в партийном кругу отличался высокомерием, был демагогом и циником. Казахам он вообще за людей не считал. Не успел Голощекин появиться в Казахстане, как заявил, что Советской власти тут нет и надо устроить Малый Октябрь».

Ничего не проходит бесследно. Каждый ответит за свои дела и поступки. Голощекин был арестован 15 октября 1939 года, а 28 октября 1941-го расстрелян. В числе прочего прозвучали и обвинения в перегибах в деле коллективизации. Конечно, это не воскресит умерших, но исправит миллионы загубленных судеб, но справедливость всё же восторжествовала. Нам же остается знать, помнить и чтить тех, кто не озлобился, кто отдал все силы на подъем Казахстана и по первому зову встал на защиту Родины.

Одной из таких и была Кульжамия, в четыре годика оставшаяся сиротой вместе с двухгодовалым братишкой. События того дня сохранились в памяти смутно и сумбурно: то ли от страха и ужаса увиденного, то ли от необычайно пронзительного плача братишки, вызвавшего у нее инстинкт самосохранения – она крепко прижала кроху к себе, закрыв глаза, будто бы это их спасет.

Малышка еще не понимала, каково это – остаться без крепких рук отца. Бывало, папа подбрасывал ее так высоко над собой, что у нее перехватывало дух. А когда ловил, Кульжамия громко смеялась от радости и от чувства, что ее папа рядом. Он всегда мог защитить ее и всю семью...

Можно ли было считать семью Карсакбая зажиточной, и какими мерками это измерялось – не было ясно ни ему, ни даже тем, кто пришел к нему домой с оружием в руках отбирать скот. Последние только выполняли приказ и шли по строго имеющимся у них спискам. В хозяйстве Карсакбая всего-то было две коровы, две кобылы с жеребятами, мерин и три десятка баранов. Все это собралось частью из приданого его жены Бану, частью из подаренного родней по обычаям предков на торжества, связанные с поднятием самостоятельного шаньрака и рождением детей. И хозяйство это то бывало, то прибавлялось. Вот и сейчас его Бану была беременна, а это означало, что, когда родится ребенок, надо будет резать скот и звать родных, соседей, близких. Гости тоже дарили подарки: кто скотом, кто чем – по возможности. Но не это было главным. Важнее было угодить гостям по древним обычаям гостеприимства... Как-то проезжающий русский купец, увидев эти обычаи, сказал: «Станный народ эти казахи! Имеют столько родственников, которые собираются в гости по любому поводу, а хозяин готов отдать последнее, лишь бы им угодить. Да, разбогатеть здесь не дадут, но и с голоду помереть тоже...»

Пришедшие, ничего не объясняя, начали просто выгонять скот из загона. Только старший сказал, что скот конфискуется на нужды советской власти, а Карсакбаю надлежит добровольно вступить в колхоз. Воспрепятствование будет расценено как саботаж, и лица, не подчинившиеся требованиям представителя советской власти, будут расстреляны на месте.

Но для Бану эти слова ничего не значили, так как ее материнский инстинкт накормить детей был выше всего. И она бросилась к ногам старшего со слезами на глазах, причитая:

– Ой-бай, ой-бай! Чем и как я буду кормить своих детей?

– Ничего не знаю, – высокомерно и даже с презрением ответил старший, затем добавил: – Многие по Советской стране голодают, а вы здесь жируете. – И, оттолкнув от себя Бану, выкрикнул: – Уберите от меня эту бешеную собаку!

Не выдержав, Карсакбай подскочил к старшему и, схватив его за грудки, сквозь зубы проговорил с яростью:

– Это ты паршивая собака! Пришел ко мне домой, забираешь мой скот, оставляя моих детей на голодную смерть, еще и оскорбляешь!

Больше Карсакбай ничего не успел сказать. Подбежавший сзади солдат со всего маху прикладом ударил его по затылку. Тело Карсабая обмякло, он упал, и кровь быстро стала заливать землю. А когда Бану его перевернула, Карсакбай уже не дышал. Дикий, душевраздирующий крик Бану разнесся вокруг, подобный прощальному лебединому клику...

Отряд забрал все и, как ни в чем не бывало, исполнив долг, ушел восвояси. У Бану же от стресса открылось кровотечение, и она умерла от потери крови.

Кульжамилю и ее братишку забрал к себе брат Бану – Олжабай. Хотя у него самого было четверо детей, он не мог оставить их одних. Ведь он был им нагаши – дядя, а это по народным обычаям ко многому обязывает. Да и не только обычая: он сильно любил свою сестренку Бану и с уважением относился к покойному зятю Карсакбаю, человеку честному и трудолюбивому.

ПРИБАЛТИКА. 1944 ГОД. ЛАСТОЧКИ

Режицко-Двинская операция, основной задачей которой было создание условий для разгрома немецко-фашистских войск в Прибалтике, проходила в два этапа. Первый включал в себя артиллерийскую подготовку с целью не допустить передислокации частей противника на передовой и оказания сопротивления наступлению советских войск. На втором этапе, чтобы развить успех в этом направлении, вводились силы пятого танкового корпуса.

Хотя основные силы врага были перемолоты, командование Вермахта продолжало предпринимать меры по концентрации разбитых частей в одном месте и нанесению мощного контрудара. Чтобы не допустить соединения остатков вражеских формирований, советским командованием были созданы подвижные группы с приданием им танков.

...Танк Жамал только вышел с ремонта, и экипаж был готов к бою. Из всего танкового взвода уцелели только эти девушки. Теперь они торопились вернуться в родное подразделение, в состав танковой разведроты майора Малышева.

За плечами экипажа Жамал, который назывался «Ласточки», было немало боевых сражений, где они себя показали не только как смелые танкистки, но и как слаженный боевой механизм, готовый биться с врагами в любой ситуации. Это не раз спасало им жизнь.

Жамал еще раз обошла свой танк и, влезая через люк, обратилась к радисту:

– Жамиля, выйди на связь с Сохатым.

Это был позывной майора Малышева.

– Готово, – отрапортовала Жамиля.

– Сохатый, это Ласточка. К полету готова, – с боевым настроем начала доклад Жамал.

– Отставить, Ласточка. Временно базируйтесь в лесничестве в трех бросках на юго-запад, – сухо и коротко приказал майор Малышев.

Он и сам очень ждал возвращения танка Жамал, но обстановка требовала другого.

– Но как... – попыталась возразить Жамал.

– Ласточка, это приказ. Вы там мои глаза и уши. Обстановку докладывать по движению «тараканов» на вашей стороне.

Майор старался придать голосу максимально строгий тон, но у него это не очень получалось.

– Есть, – ответила Жамал.

Малышев сам придумывал новые значения слов и словесных оборотов, чтобы не допустить утечки информации на случай перехвата связи. Вот и сейчас, говоря о «тараканах», он имел в виду передвижение немецких танков. Ключевое слово «базируется» означало расположение вражеских сил, «в трех бросках» – значит, в 30 километрах. А упоминание лесничества было приказом обратиться в штаб полка.

В штабе Жамал ждал приказ о срочном выдвижении для оказания боевой поддержки в разгроме отдельно подошедших остатков германских частей, которые пытались пробиться на юго-запад для соединения с другими подразделениями. На этом участке не было сплошного фронта обороны, и никак нельзя было допустить, чтобы фашисты собрались в одном месте и попытались остановить наступление советских войск.

– Кульжамия, выдвигаемся в район разбитого моста, – приказала Жамал. – Там наши ведут бой. Пройди по краю околка, а на месте ориентируемся в дальнейших действиях.

Кульжамия, на первый взгляд миниатюрная девушка, выжала сцепление и повела танк в заданном направлении.

На ускоренных курсах механиков-водителей Кульжамия была лучшей. Сказывался не только ее опыт работы на тракторе, но и волевой характер: она стремилась добиваться поставленной цели, как и ее кумир Марьяна из фильма «Трактористы».

Выйдя на указанную позицию, Кульжамия остановила «Ласточку». Фашисты, намереваясь прорваться, перегруппировались, установили восемь пулеметных гнезд и вели оттуда огонь по нашим войскам, не давая им перейти в атаку.

Жамал, оценив обстановку, приняла решение атаковать и смять эти пулеметы.

– Кульжамия, полный газ! Сомнем эти пулеметы!

И Кульжамия, выжав сцепление, дала газу так, что «Ласточка» словно полетела на врага.

– Кулькен, осколочным заряжай! – не отрываясь от сектора обзора, скомандовала Жамал.

– Готова! – ответила Кулькен.

– Огонь! – отдала команду Жамал.

Жамия вела огонь из пулемета, что-то бормоча себе под нос.

Общий боевой дух и слаженность этого экипажа были поразительны и, как правило, служили залогом успешного выполнения боевого задания.

Командир роты Семчук не знал, что противопоставить огню, который не давал им поднять головы. Когда он увидел, как одна пулеметная точка уничтожена прямым попаданием, то заметил, что из околка идет танк и на скорости продолжает стрелять, заставляя немецких солдат спасаться бегством. И с криком «За Родину! Ура!» Семчук поднял свою роту в атаку.

В этом бою Кульжамия разбила пять пулеметных гнезд врага.

К концу боя солдаты побежали к танку, чтобы поблагодарить танкистов за их смелую и своевременную помощь. Но каково же было их удивление, когда из танка вылезли девушки! Подбежавший первым капитан Семчук вначале даже растерялся и остановился, как вкопанный, не зная, что делать. А потом просто стал обнимать девушек, приговаривая:

– Откуда вы, сестренки?

– Из Казахстана, – ответила Жамал, на гимнастерке которой были орден «Красной Звезды» и медаль «За отвагу».

Пробиваясь через толпу с возгласом: «Сестренки, ласточки мои!» – подбежал Топатай.

– Откуда Вы? – соскучившись по родной речи, на казахском спросил Топатай.

– Из Караганды, – ответила Жамал.

– Я тоже с Караганды! – воскликнул Топатай.

Из глаз его текли слезы, но он не стеснялся их – ведь это были слезы радости. И те, кто был рядом, понимали его, радуясь и в то же время завидуя встрече земляков.

Топатай повернулся к старшему сержанту Прохорову, стоявшему рядом, и с переполняющим его чувством гордости сказал:

– Видишь, Федор, какие у меня землячки! А как они били немца!

О многом хотелось тогда поговорить Топатаю с девочками-танкистками, но разговор оказался слишком коротким – по крайней мере, так ему показалось. Война, этим все было сказано. Враг еще не был разбит до конца.

Историческая справка

В Режицко-Двинской операции советские войска продвинулись на 190-200 км. Прорвали пять сильных оборонительных рубежей, освободили 5261 населенный пункт, в том числе 7 крупных и 16 малых городов. Было уничтожено 900 орудий и минометов, 92 танка, захвачено 663 орудия и миномета, а также 53 танка и самоходных орудия.

...До победы оставалось чуть меньше года, но никто не мог знать, дойдет ли он до конца, окажется ли счастливым, к которому будет благосклонна солдатская судьба, вернется ли домой победителем – освободителем от фашистского гнета. Но каждый был готов идти на смертный бой. И каждый надеялся, что даже если он погибнет, то его боевой товарищ будет жить и радоваться, не забывая всех тех, кто не выжил на этой ужасной, жестокой войне.

Младший сержант Топатай Жунусов до Великой Победы не дошел совсем немного: 21 января 1945 года он умер в госпитале в Восточной Пруссии, где и был захоронен в х. Ляуканден (могила № 21). Но благодаря его небольшой заметке в газете мы знаем и помним имена девушек-танкисток из Казахстана, бившихся за мир за тысячи километров от дома.

В их судьбах вижу свой я Казахстан,
Не сломленный лавиной испытаний,
А чистый сердцем и душой.
Предательству и лжи здесь места нет.
Вскормленный материнским молоком,
Его он вкусу будет предан.
И никогда, нет, никогда
Он не отдаст
Сестренку, брата, сына
В детский дом.
Ведь кровь, как молоко,
Течет одна по жилам поколений.

...Но, видно, жизни цепь была оборвана.
И предались здесь все греху,
Друг друга осуждены.
Забыв закон Степей,
Закон единого родства,
Где никогда сиротству не было и места,
Как алчности здесь места нет.
Богатство, просторов широта
Даны были с небес, –
Никто еще в карманах
Не унес с собою на тот свет.
Опомнитесь!
И будьте все достойны великих предков
По имени Казах.
И, может быть, тогда вернется дух Единства,
И расцветет наш Казахстан,
И возродится племя Золотого человека
Во всем его возвышенном понятии.

